

КАТАСТРОФА

Многое множество ненужных и несродных друг другу вещей: камни -- гвозди -- гробы -- души -- мысли -- столы -- книги свалены кем-то и зачем-то в одно место: мир. Всякой вещи отпущено немножко пространства и чуть-чуть времени: столько-то дюймов в стольких-то мигах. Все имяреки, большие-малые, покорно кружат по соответствующим колеям и орбитам. И стоит, скажем, звезде "_a_" в созвездии Centaurus'a захотеть хоть немножечко, хоть разок, покружить по чужой орбите -- и придётся: или всё, от ярчайшей звезды до серейшей пылинки, переставить в пространстве, или предоставить хаосу (он только и ждёт этого) опрокинуть, порвать и расшвырять всё сложное и хитрое сооружение из орбит и эпициклов. Прошла ли хоть раз мысль старого Мудреца, о котором поведу сейчас рассказ, по вышеизложенному условно-разделительному силлогизму, не знаю: но знаю точно -- мысль Мудреца только и делала, что переходила из вещи в вещь, выискивая и вынимая из них их смыслы. Все смыслы, друг другу ненужные и несродные, она стаскивала в одно место: мозг Мудреца.

Мысль с вещами, большими ли, малыми ли, поступала так: разжав их плотно-примкнутые друг к другу поверхности и грани, мысль старалась проникнуть в глубь, и ещё в глубь, до того *interieur'a* вещи, в котором и хранится, в единственном экземпляре, смысл вещи, её суть. После этого грани и поверхности ставились, обыкновенно, на место: будто ничего и не случилось.

Естественно, что всякой вещи, как бы мала и тленна она ни была, несказанно дорог и нужнее нужного нужен её собственный неповторяемый смысл: лучами -- шипами -- лезвиями граней, самыми малостью и тленностью своими выскальзывают вещи из познания, защищают свои крошечные "я" от чужих "я".

Будьте всегда сострадательны к познаваемому, вундеркинды. Уважайте неприкосновенность чужого смысла. Прежде чем постигнуть какой-нибудь феномен, подумайте, приятно ли было бы вам, если б, вынув из вас вашу суть, отдали бы её в другой, враждебный и чуждый вам мозг. Не трогайте, дети, феноменов: пусть живут, пусть себе являются, как являлись издревле нашим дедам и прадедам.

Но мысль Мудреца не знала сострадания. Катастрофа была неотвратима. Вначале всё пространственно-близкое от головы философа, всё "само по себе понятное" было вне круга опасности. Верхушки тополей, шумящих над сонными водами Прегеля. Шпили кирх. Недалёкие люди. Предметы, крепко оправленные в пространство. События, расчисленные по святцам.

Мысль философа начинала мыслить издалека, замерцав где-то, среди мерцания дальних звёзд, в *Theorie des Himmels* [1]: Мудрец рылся в ворохе белых сириусовых лучей, спокойно и деловито, точно это и не небо, а бельевой ящик старого отцовского комода, что ли. Как реагировали, и реагировали ли на это звёзды, осталось невыясненным. Изменений во внутреннем распорядке созвездий, безусловно, не произошло. Души звёзд праведны, и оттого орбиты их правильны. И самыми тщательными астрономическими измерениями не уловлено: мерцали ли звёзды после Канта иначе, чем до Канта [2].

Тем временем от вещей к вещам стал переползать недобрый слух: Мудрец, покончив якобы со звёздами, возвращается сюда, на землю. Маршрут: звёздное небо над нами -- моральный закон в нас.

События шли так: медленно отряхая звёздную пыль со своих чёрных перьев, трёхкрылый Силлогизм, смыкая и стягивая спираль тяжкого лета, близился к этим вещам. И когда те звёздные пылинки коснулись этой серой пыли тупиков и переулков, зыбь тревоги и трепеты жути всколебали все земные вещи. С орбитами было покончено. Наступала очередь улиц -- просёлочных дорог -- тропинок.

Тогда-то и разразилась катастрофа. Запуганные ещё Платоном и Беркли, феномены, которые и так хорошо не знали, суть ли они, или не суть, не стали, разумеется, дожидаться Разума, со всеми его орудиями пытливости: двойными крючкообразными *jj*-ми, зажимами точных дефиниций и самовязью парных антиномий.

Пространство и время почти на всём их земном плацдарме переполнились паникой. Первыми попробовали выскочить из своих границ некоторые ограниченные души: они создали даже особое литературное направление, по